

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1 9 8 6

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Сборник посвящен актуальным проблемам современной тюркологии и отражает уровень развития исследований в главных научных центрах страны. Включены работы по литературоведению, текстологии, источниковедению видных советских тюркологов (Э. Р. Тенишева, Н. З. Гаджиевой, С. Н. Иванова, И. Г. Добродомова, Б. А. Серебренникова и др.).

Книга предназначена для филологов-востоковедов, студентов и преподавателей вузов.

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Ю. А. ПЕТРОСЯН, Э. Р. ТЕНИШЕВ

Р е ц е н з е н т ы

А. Л. ГРЮНБЕРГ, А. В. ВИТОЛ

«ЗАПИСКИ» БАБУРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОГОЛОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

История моголов, игравших заметную роль в процессе исторического развития ряда народов Центральной и Средней Азии XIV—XVII вв., остается слабо изученной. Никто из ориенталистов еще не брал на себя задачи изложить полную историю моголов и Моголистана с учетом всех известных источников. Остается не выясненным до конца и само значение термина могол. Кто такие моголы Моголистана и Восточного Туркестана XIV—XVII вв.: представители царствовавшей тогда в Восточном Туркестане и Семиречье династии и конгломерат подчиненных им тюрко-монгольских кочевых племен Моголистана? Сословие на службе у ханов Чагатаидов или особый этнический коллектив? На эти вопросы нет однозначного ответа, обоснованного материалом источников. Наиболее надежным пособием по политической истории моголов все еще остается «Очерк истории Семиречья» академика В. В. Бартольда, первое издание которого вышло в 1898 г. За истекшие десятилетия не появилось новых исследований по истории Моголистана, которые могли бы заменить этот краткий, но ценный обзор. Впрочем, отдельные вопросы истории моголов XIV—XVII вв. рассмотрены в статье В. П. Юдина,¹ в работе К. А. Пищулиной² и в исследовании японских ориенталистов Ханеда Акира, Ода Дзютен, Мано Эиди, Сагути Тору, Хамада Масами.³ Названные авторы писали о моголах и Моголистане преимущественно на основании «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара Дуглата (1500—1551). Между тем мусульманских источников, содержащих материал о моголах, не так уж мало. В их числе находятся и «Записки» Бабура (1483—1530).

«Записки» Бабура по жанру относятся к мемуарной литературе. Главный герой — сам автор, который от своего имени, просто и в то же время образным языком, рассказывает о том, что он слышал от людей, что видел и испытал в жизни сам. Мемуары начинаются с описания событий 899/1494 г. и обрываются на полуслове при изложении событий начала 936 г. х. (сентябрь 1529 г.).

«Записки» Бабура хорошо известны в науке. Существуют переводы этого сочинения на ряд европейских языков, в том числе пе-

ревод на русский язык, который, однако, «не преследует научно-филологических целей и предназначается для широких читательских кругов».⁴ Перевод М. Салье действительно не обладает той степенью научно-филологической точности, которая позволяла бы исследователям пользоваться им, не обращаясь непосредственно к тексту оригинала: в переводе встречаются неточности, имеются пропуски, почти полностью опущена восточная терминология. В настоящей статье использованы две публикации оригинала «Записок»: печатное издание, подготовленное Н. Ильминским,⁵ и факсимильное издание, осуществленное А. Беверидж.⁶

Бабур состоял в родстве с могольскими ханами, некоторое время даже жил среди моголов, в его окружении всегда было немало могольских беков и простых воинов с их семьями. Все это позволило ему, тонкому и вдумчивому наблюдателю, составить вполне определенное представление об обитателях Моголистана. К сожалению, не все, что знал Бабур о моголах, получило отражение в его «Записках»: некоторые аспекты, представляющие интерес при изучении вопросов социальной и этнической истории народов Восточного Туркестана, излагаются Бабуrom слишком сжато, порою только намеками, в свое время, возможно, ясными читателю его книги, но теперь малопонятными. К этому кругу малопонятных явлений относится значение термина могол.

Бабур отличает моголов от «кочевых узбеков», казахов, чагатаев, сартов, от горных племен Андижана и т. д., но при этом не разъясняет значение часто употребляемого им термина «могол». На страницах его мемуаров моголы выступают как ревностные хранители монгольских кочевых традиций в этнографическом, бытовом и ином планах и именно этим отличаются не только от тогдашних среднеазиатских своих соседей, но и от других подданных могольских ханов Восточного Туркестана. Вот что мы узнаем о моголах и их предводителях из «Записок» Бабура.

Моголы сохраняли свою национальную одежду. Так, описывая прибытие в 1502 г. Ахмад-султана из Восточного Туркестана и встречу его с братом Махмуд-ханом в окрестностях Ташкента, Бабур отмечает, что люди, составлявшие свиту Ахмад-султана, все были наряжены по-могольски: «в могольских шапках и халатах из китайского атласа, расшитого золотыми блестками. У них были могольские колчаны из зеленой шагрени, седла и могольские кони». Все это было под стать их необычному внешнему виду, заключает Бабур (Беверидж, л. 103а; Ильминский, с. 126). Из описания могольского наряда, которое приводится в другом месте «Записок», видно, что платье могольского образца начала XVI в. подпоясывалось кушаком или китайским поясом. На левой стороне пояса подвешивались мешочек для кремня и огнива и «три-четыре безделушки, которые вешают женщины на воротник, нечто вроде коробочки для амбры и сумки». С правой стороны тоже подвешивали три-четыре такие же вещички (Беверидж, л. 102б; Ильминский, с. 126).

Насколько могольский наряд отличался от тогдашней одежды

среднеазиатских народов, можно судить по следующему эпизоду. Прибывший из Турфана Ахмад-султан пожаловал Бабуру полный комплект верхней одежды могольского образца: шапку, кушак, халат, пояс со всеми подвесками. Когда Бабур, облаченный в могольский наряд, вместе с Ахмад-султаном и его приближенными пришел на аудиенцию к Махмуд-хану, то Ходжа Абу-л-Макарим, старинный слуга дома Тимуридов, не признал Бабура и спросил: «Они какой султан будут?». Лишь когда Бабур заговорил, он узнал его по голосу (Бевеидж, л. 103б).

При возведении на престол нового государя моголы традиционно соблюдали древний обряд поднятия на белом войлоке. «По обычаю моголов, — указывает Бабур, описывая обстоятельства Йунус-хана, — хана и [его супругу] Исан Даулат-биким посадили на белый войлок и, подняв, провозгласили государем» (Бевеидж, л. 10б). Другой «древний обычай моголов — богатырская доля», говорится в «Записках». Богатырскую долю получал всякий, кто в бою вырвался вперед из рядов и лихо бился клинком. Ее вручали богатырю в торжественной обстановке во время пиршества или трапезы (Бевеидж, л. 31а).

Моголы сохраняли также некоторые старинные языческие обряды. В «Записках» описывается следующий эпизод. В 1502 г. могольский хан Махмуд повел свое войско из Ташкента на Ура-Тепе. Между Бискентом и Самсираком произвели смотр войску. По обычаю моголов, распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять знамен. Один могол привязал к берцовой кости быка длинную белую холстину и держал кость в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой хан, «на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я», а на конец третьей — Султан Мухаммад Ханыке, сын Махмуд-хана. Могол, который держал в руке бычьей костью с привязанной к ней холстиной, что-то произнес на могольском языке и, смотря на знамя, подал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени (Бевеидж, л. 100а, б; Ильминский, с. 122—123).

Как видно, Бабуrom зафиксирован здесь обряд завораживания бунчуков, существовавший у монголов-шаманистов. Могол, обслуживавший обряд, по всей вероятности, шаман, жрец-посредник между людьми и миром духов, а бычья кость и длинная белая холстина — его ритуальные принадлежности. А. Н. Самойлович и Мано Эиди, обращавшиеся к интересующему нас отрывку из «Записок» Бабура, привели только его перевод (соответственно на русский и английский языки), но оставили без комментария.⁷ Как нам представляется, в приведенном эпизоде речь идет о ритуале призывания Сульдэ-тенгри, который занимал важное место в шаманском пантеоне.⁸ Культ сульдэ находил свое выражение в поклонении боевому знамени, которое олицетворяло и само божество. Считалось, что, пока сульдэ-знамя в сохранности, народ благоденствует; если ритуал призывания Сульдэ-тенгри испол-

нять точно, то в военных походах ожидает удача. Соответственно ритуал призывания Сульдэ-тенгри совершался перед военным походом или во время марша и сопровождался обрядом освящения знамени и бунчуков и жертвоприношением им.

В приведенном рассказе Бабура обращает на себя внимание также его замечание о том, что могол, обслуживавший обряд заворачивания бунчуков, «что-то сказал по-могольски» и Бабур не понял, хотя и слышал его слова. Из этого сообщения ясно, что в начале XVI в. монгольский язык еще употреблялся моголами Восточного Туркестана и Средней Азии. В этой связи укажем еще на два сообщения Бабура, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме. Султан Ахмад-хан (ум. в 1504 г.), местопребыванием которого была Кашгария, носил прозвание Алача-хан. «Говорят, — пишет Бабур, — будто причина, почему его прозвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют „алачи“. А так как Султан Ахмад-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли алачи; от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» (Беверидж, л. 116; Салье, с. 21—22). В другом месте «Записок» говорится о том, что моголы называют костоправов бахши (Ильминский, с. 133; Беверидж, л. 1086, текст испорчен в этом месте).

По кратким, сказанным по случаю и мимоходом, замечкам Бабура трудно судить о степени распространенности монгольского языка среди моголов Восточного Туркестана и Средней Азии. Согласно В. В. Бартольд и исследованию В. П. Юдина, по языку уже к XV в. не было разницы между тюрками и моголами Восточного Туркестана и Средней Азии.⁹ В свете этого положения приведенные сообщения Бабура, по-видимому, следует понимать и интерпретировать так: монгольский язык не был забыт полностью, но число моголов — подданных Чагатаидов Восточного Туркестана, — знавших монгольский, да и то как второй язык, было незначительно, что язык этот употреблялся лишь отдельными категориями людей (например, служителями культа), лишь в отдельных случаях (например, во время отправления шаманских обрядов) и функции его были, таким образом, сильно ограничены.

Косвенным подтверждением высказанного здесь положения может служить следующее сообщение Бабура: «В Кабульском вилайете говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, мо[н]гольском, хинди, афганском, пашаи, парачи, гебри, бараки, ламгани» (Беверидж, л. 1316). На этом же листе «Записок» уточняется, что на мо[н]гольском языке говорят некоторые племена, которые живут в горах Газни, среди хазарейцев и никудерийцев. Речь идет в данном случае о той группе монголов Афганистана, которые, насколько известно, единственно из переселившихся на запад в эпоху монгольского завоевания коренных обитателей собственно Монголии действительно сохранили свой язык до новейшего времени.¹⁰ Между тем

об употреблении монгольского языка моголами Восточного Туркестана и Средней Азии здесь ничего не говорится.

При дворе могольского хана во время встречи и приема высокого гостя соблюдался торжественный церемониал, о котором Бабур сообщает интересные подробности. Осенью 1502 г. Бабур находился в Ташкенте, при дворе могольского хана Махмуд-султана. Было получено сообщение о том, что из Восточного Туркестана прибывает младший брат хана Ахмад-султан. Навстречу ему выехали Бабур, сестры хана, его сын и другие близкие родственники и приближенные Махмуд-хана. Вскоре группа встречающих достигла лагеря Ахмад-султана, разбитого у деревни Йага, что между Ташкентом и Сайрамом. Спешились, поздоровались, осведомились о здоровье и «просидели до полуночи, беседуя о былых делах и минувших событиях». Наутро с этой стоянки все направились к Ташкенту. Махмуд-хан тоже выехал навстречу. В нескольких фарсах от Ташкента, «в одном месте», разбили шатры, и Махмуд-хан уселся там для торжественного приема брата.¹¹ Ахмад-султан подъезжал к шатру хана спереди. Приблизившись, он объехал шатер хана слева и сзади и спешил перед ним; дойдя до «места встречи», Ахмад-султан девять раз преклонил колени и сказал слова приветствия. Махмуд-хан, когда младший брат приблизился, встал с места: они поздоровались и долго стояли, обнявшись. Отступая назад, Ахмад-султан снова девятикратно преклонил колени; поднося подарки, он опять много кланялся. Затем он подошел к хану, и оба они сели (Бевеидж, л. 1026—103а; Ильминский, с. 125—126).

Обратимся теперь к известиям Бабура о могольском войске. Судя по «Запискам», основной организационной единицей в армии могольских ханов были вооруженные отряды родов и племен. Такие отряды не имели, видимо, своего особого названия, и они определяются Бабуrom через название соответствующего рода или племени: туман дуглат, туман барин, туман бекчик и т. д. (Бевеидж, л. 1036, 109а; Салье, с. 122, 128). Родо-племенной отряд представлял собой самостоятельную войсковую единицу: во главе его стоял бек рода или племени, каждое ополчение имело свое знамя и свой особый уран — боевой клич. Несколько таких автономных отрядов в случае необходимости объединялись в войсковое соединение (*бир паре черик* — Бевеидж, л. 109а). В эпизодах, приводимых Бабуrom, командир войскового соединения каждый раз назначается ханом, т. е. самим верховным руководителем войск. В войсковое соединение назначались также бек войска (*черик беги*) и даруга войска (*черик даругасы* — Бевеидж, л. 1036, 109а; Ильминский, с. 127). Любопытно, что один и тот же человек — Сарык Баш-мирза из племени итарчи — в одном случае был назначен беком войска, а в другом — даругой войска. Служебные функции, связанные с исполнением этих должностей, в «Записках» не определяются. Основываясь на разных значениях слов *бек* и *даруга*, можно полагать, что обязанности бека войска заключались в обеспечении боевого порядка во время походного движения

войска, т. е. он являлся, так сказать, начальником марша. Друга войска — это скорее всего лицо, ответственное за хозяйственное снабжение войска в походе.

Из других войсковых должностных лиц в «Записках» упоминается воин-знаменщик (*тугчи* — Беверидж, л. 106б, 112а; Ильминский, с. 131, 137). В одном месте встречается сообщение о том, что при сражении в окрестностях Канбая во главе авангарда стоял Хайдар Кукельташ, «который был главным столпом войска моголов» (*руки-и а'зам* — Беверидж, л. 30б). Здесь несомненно мы имеем дело с титулом, а не с должностью или званием. В этой связи стоит отметить, что официально присвоенных наименований, определяющих степень служебного положения того или иного лица в войске моголов, Бабур не приводит.

Моголы сохраняли традиционное военное построение, согласно которому войско делилось на левое и правое крыло и центр. «Среди моголов, — пишет Бабур, — установления Чингисхана до сих пор таковы, как их учредил Чингисхан. [Воины] правого крыла (барангар) стоят на правом крыле, левого крыла (джунгар) — на левом крыле, центра (кул) — в центре; каждый занимает в строю то место, которое досталось ему от его предков. На правом и на левом крыле тот, чье значение больше, стоит ближе к краю, то есть во главе фланга» (Беверидж, л. 100б; Ильминский, с. 123). Из других элементов полного боевого порядка в «Записках» упоминаются авангард (*йаравул* — Беверидж, л. 30б) — часть войска, находящаяся впереди главных сил, арьергард (*чагдаул* — Ильминский, с. 131) — часть войска, находящаяся сзади боевых линий для прикрытия главных сил с тыла, сторожевой отряд (*караул* — Беверидж, л. 106б; Ильминский, с. 131), обычно шедший впереди авангарда, а также *ильгар* (Беверидж, л. 103б; Ильминский, с. 127) — передовой отряд легкой конницы особого назначения.

Перед сражением устраивался торжественный официальный смотр войсковым подразделениям. Согласно постановлениям Чингисхана, проводить его должен был сам хан.¹² Смотр представлял собой своеобразную военную инспекцию, во время которой определялась общая численность войска, проверялось снаряжение воинов и т. д.¹³ На месте смотра в присутствии всего воинства совершался обряд заворачивания бунчуков. Смотр кончался боем барабанов и военным кличем. Вот как описывает окончание смотра Бабур. Когда знамена окропили кумысом, «все разом задули в трубы и ударили в барабаны; воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич (сурен). Всё это проделали три раза, а потом сели на коней и с боевыми возгласами (сурен) вскачь объехали вокруг лагеря» (Беверидж, л. 100б; Ильминский, с. 123). Продолжительность смотра в первую очередь зависела, конечно, от численного состава войска, так что смотр мог длиться несколько дней. По свидетельству Бабура, во время похода против Танбала в 908/1502—03 г. на смотре могольского войска «воинов насчитали тридцать тысяч человек» (Салье, с. 122).

Судя по «Запискам», основным боевым оружием моголов были сабля и лук. Из других видов боевого оружия упоминаются: шестопер (*шашпур*), палица (*пиййэй*), кистень (*кйстан*), секира (*табар-зйн*), боевой топор (*бэлтү*), копье (*найза* — Беверидж, л. 103а, 113а; Ильминский, с. 127, текст неполный). Данных о наличии у моголов отрядов войск, вооруженных каким-либо определенным видом оружия, нет. Из воинских доспехов упоминаются кольчуга, щит, латы, шлем с подшлемником и «калмацкий панцирь (*джйбе*) с двойным листом». Такой двухслойный защитный доспех был на Бабуре во время похода могольских ханов против Танбала (Беверидж, л. 113а). Заслуживает внимания сообщение Бабура о том, что Ахмад-султан, прибывший из Восточного Туркестана, подарил ему «новенький кушагир» (Беверидж, л. 107а; Ильминский, с. 131). Судя по тому, что Бабур хранил подарок своего дяди в колчане, речь идет о стреле. Что она представляла собой, неизвестно. Название ее персидское и составлено из *куша* 'искомый', 'предмет стараний' и *гир* — основа настоящего времени от глагола *гирифтан* 'брать, ловить, схватывать' и т. д. *Гир* часто составляет второй компонент сложных слов со значением 'хватающий, ловящий, покоряющий' и т. д. В целом словосочетание *кушагир* может быть истолковано как «метко поражающая цель» [стрела].

Непрерывной принадлежностью военного снаряжения моголов были звуковые сигнальные инструменты — боевой барабан, трубы, литавры и т. д. (Беверидж, л. 100б, 105б). Они не только поднимали воинский дух, но и служили военным сигналом.

В нескольких местах «Записок» мы встречаем упоминание о знамени (*туг*). Из вышеприведенного эпизода, где описывается обряд заворачивания бунчуков, очевидно, что Махмуд-хану, как верховному руководителю могольского воинства, принадлежало девять знамен. Из сочинения Бабура не ясно, все ли эти девять знамен считались священными или только одно из них признавалось государственной святыней, которому единственно и поклонялись. О цвете (цветах) военных знамен ничего определенного не говорится. На древке знамени, ниже полотнища, привязывался кутас — украшение из конского хвоста или хвоста яка. О том, имели ли все девять ханских знамен кутас или только одно, главное знамя, сообщений нет. Судя по одной мелкой заметке Бабура (Беверидж, л. 88б), знамя как символ власти имел каждый бек-родоначальник. Военные знамена родов имели, видимо, на себе родовые знаки — тамги. Знамена выполняли по меньшей мере две функции: они были важным священным символом и одним из средств управления войсками на марше и в бою.

«Записки» Бабура дают чрезвычайно ценный материал и об особых боевых и призывных кличах, которые носили общее название *уран*. В главе, где описывается поход могольского хана против Танбала, в котором участвовал и сам Бабур, приводится рассказ-воспоминание, читая который мы узнаем о разных видах урана, разных случаях его применения, о значении урана на войне. События, о которых повествуется в этом рассказе, относятся к 908/

1502—03 г. Могольские ханы выделили Бабуру войско с заданием обойти Танбала с тыла. В полночь войско прибыло из Оша в окрестности Андижана. Несколько беков было отправлено вперед, чтобы они сговорились со знатными горожанами. Ожидая их возвращения, войско расположилось на стоянке: одни воины спешились, другие «сидели на конях; некоторые дремали, иные погрузились в сон». В это время вернулась группа моголов из племени бекчик, которая еще днем, покинув войско в Оше, отправилась в окрестности Андижана, чтобы пограбить. Увидев войско, они пробрались вперед и, желая выяснить, свои это или чужие, выкрикнули слова пароля: «Ташкент!, Ташкент!». Воин сторожевой службы войска то ли от волнения, то ли спросонок в ответ тоже закричал: «Ташкент» вместо условленного «Сайрам». Моголы из племени бекчик решили, что перед ними враг, подняли крик, забили в барабаны и стали стрелять из луков. В стане Бабура поднялся переполох: люди кричали, метали стрелы куда-то в темноту ночи, метались сами по сторонам, в панике многие бросились прочь со стоянки, не заботясь о других. Из-за этой ложной тревоги, пишет Бабур, задуманный план не удался: «Мы снова повернули назад и возвратились в Ош» (Бевеидж, л. 103б—105б; Ильминский, с. 127—129; Салье, с. 122—124).

В связи с приведенным здесь эпизодом Бабур дает следующее разъяснение тому, что такое уран. «Уран бывает двух родов. Один уран — особый у каждого племени; так, например, у одного племени уран — «дурдана», у другого — «туккай», у третьего — «лулу». Другой уран — один для всего войска. На войне ураном [войска] устанавливают два слова; во время битвы при встрече один человек говорит одно слово, а другой говорит второе назначенное слово, чтобы таким путем отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого. В данном походе условленными словами (войскового) урана были «Ташкент» и «Сайрам». Скажут: «Ташкент», говори: «Сайрам»; скажут: «Сайрам», отвечай: «Ташкент»» (Бевеидж, л. 105а, б; Ильминский, с. 129). Краткое, но ясное разъяснение Бабура не требует комментариев.¹⁴

Войны, набеги и столкновения составляли характерную черту тогдашней жизни. То было время, когда в сражениях и стычках гибло немало людей, когда телесные раны и увечья были явлением обычным и привычным в жизни мужчин. Соответственно ощущалась постоянная потребность в хороших лекарствах, костоправах. По свидетельству Бабура, в умении врачевать тяжелые ранения особенно отличались могольские лекари. Так, в одном сражении сошлись два джигита — Самад из племени минг и хисарский могол по имени Шахсувар. Ударом клинка Шахсувар пробивает шлем Самада и «глубоко всаживает ему лезвие в голову»; несмотря на рану, Самад так рубит саблей, что сносит с головы могола «кусок кости». Шахсувар-моголу лечили голову, и он поправился. «Лечить голову Самаду было некому», и через три-четыре дня он скончался (Бевеидж, л. 65б; Салье, с. 80—81).

В другой раз был ранен сам Бабур: стрела насквозь пробила

его правое бедро, а голова была рассечена косым ударом сабли. Чтобы лечить его, могольские ханы прислали лекаря по имени Атике (Абике)-бахши, и Бабур вскоре поправился. По его словам, Атике-бахши был исключительно сведущ в искусстве исцелять кости: он брался лечить даже в тех случаях, когда у человека «вываливался из костей мозг». Он «легко исцелял» также любое повреждение сухожилий. К одним ранам он «прикладывал пластырь», при других ранах давал снадобье, приготовленное «из кореньев». Однажды, рассказывал этот бахши Бабуру, у одного человека была сломана стопа и кусок кости, величиною с ладонь, оказался полностью раздробленным. «Я вскрыл рану, вынул раздробленную кость стопы и заменил ее составом из порошка. Это лекарство образовало как бы кость, заменив настоящую, и рана закрылась» (Беверидж, л. 108б—109а; Ильминский, с. 133—134). Бабур, восхищенный высоким мастерством могольского лекаря, восклицает: «Мавераннахрские костоправы не способны так лечить».

Сведения Бабура о могольских родах и племенах довольно скудны и не дают возможности ни определить тип родоплеменной структуры, ни рассмотреть черты родо-племенной организации у моголов. Из них лишь видно, что в могольском обществе прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена и что отдельные роды и племена играли важную роль в военно-политической жизни государства. Ниже приводим названия могольских родов и племен, о которых в «Записках» имеются исторические сведения.

Барин. После смерти Ваис-хана,¹⁵ говорится в «Записках», могольский улус разделился на две части: одна часть была на стороне Йунус-хана, а большинство — поддержало Исан-Буга-хана. Бек тумана барин Иризан и Мирак Туркмен, принадлежавший «к числу беков тумана чурас», ушли из Моголистана вместе с Йунус-ханом и с 3—4 тысячами семейств моголов к Улугбек-мирзе в Самарканд. Улугбек не только не оказал им военную помощь, на которую они рассчитывали, но по его распоряжению прибывшие моголы «частично были пленены, а частично рассеяны по разным вилайетам». «Смута Иризана — памятное событие в улусе моголов», — пишет Бабур (Беверидж, л. 9б—10а; Ильминский, с. 12), однако точную дату этого события он не приводит.

Туман барин и бек этого племени Джан Хасан (Хусайн) упоминаются в описании событий истории Средней Азии конца XV — начала XVI в. В 903/1497—98 г. хан моголов Махмуд-султан назначил в помощь Бабуру Сейид Мухаммад-мирзу Дуглата, Айуб Бекчика и Джан Хасан Барина с 700—800 воинами (Салье, с. 70). В составе войска Бабура барины сражались также у Сар-и Пула против Шейбани-хана (Салье, с. 104). Джан Хасан (Хусайн) с туманом барин участвовал в походе могольских ханов против Танбала в 908/1502—03 г.

Бекчик и чурас. По словам Бабура, эти два племени (уруг) входили в состав правого крыла могольского войска и между ними постоянно происходили раздоры из-за того, кому возглавлять

фланг. В то время, говорится в «Записках» при описании событий 1503 г., беком «тумана чурас» был Кашка Махмуд, очень смелый человек. Беком «тумана бекчик» был Айуб, сын Йакуба. Из-за того, кому выходить на край крыла, т. е. возглавлять фланг, они дрались, обнажали друг на друга сабли. В конце концов решили, что в кругу для облавы (джарга) выше будет стоять одно племя, а в боевом порядке (йасал) на край фланга будет выходить другое (Беверидж, л. 100б; Ильминский, с. 123).

Айуб Бекчик со своим туманом и Кашка Махмуд Чурас принимали участие во многих событиях истории Средней Азии конца XV—начала XVI в. (Салье, с. 70, 104, 122, 124, 128 и др.).

Итарчи. Представитель этого племени Сарык Баш Итарчи упоминается при описании событий начала XVI в. то в должности «бека войска», то — «даруги войска» (Салье, с. 122, 128). В 1519 г. в Кабул к Бабуру прибыли послы из Кашгара во главе с Бишка-мирза Итарчи (Салье, 285).

Оглакчи. Как передает Бабур, в числе эмиров Тимурида Ахмад-мирзы был Сейид Йусуф Оглакчи. Судя по замечанию о том, что «его дед, говорят, пришел от моголов» (Салье, с. 32), один из могольских туманов назывался оглакчи. Представители оглакчи состояли на службе также у Султан Хусейн-мирзы и самого Бабура (Салье, с. 177, 203).

Сагрычи. Туман сагрычи упоминается в связи с междуусобной борьбой за верховную власть в улусе моголов между братьями Исан-Буга-ханом и Йунус-ханом в конце 50-х годов XV в. Беки тумана сагрычи поддерживали тогда Йунус-хана, ставленника Тимурида Абу Са'ид-мирзы. В ту пору, пишет Бабур, великим или старшим (улуг) беком тумана сагрычи был Шир Хаджи-бек. Йунус-хан взял в жены его дочь Исан-Давлат-биким; у хана от нее было три дочери (Салье, с. 20).

В разных главах «Записок» часто упоминаются представители тумана дуглат. Однако исторических сведений не приводится, хотя из других источников известно, что роду дуглат принадлежало уникальное место в истории моголов и Моголистана XIV—XVI вв.

С. С. Губаева в числе могольских племен называет туман нарин, при этом она ссылается на перевод М. Салье.¹⁶ Обратимся непосредственно к оригиналу. В тексте хайдарабадского списка «Записок» (Беверидж, л. 103б) в этом месте говорится следующее: могольские ханы выделили Бабуру таких-то и таких-то беков, в том числе «Джан Хусайн Нарина с его назинами» (так). В издании Н. Ильминского (с. 127). — «Джан Хасана с его илем». При изложении другого эпизода сообщается, что могольские ханы послали Бабура в сторону Ахси; с ним отправили «Айуб Бекчика с его туманом и Джан Хасан Нарина с туманом маринов» (так! — Беверидж, л. 109а). В издании Н. Ильминского (с. 134) — просто «Хасан хана». При описании событий 903/1497—98 г. Бабур называет Джан Хасана предводителем тумана барин (Беверидж, л. 56а; Ильминский, с. 69). Во всех приведенных случаях речь

идет, видимо, об одном и том же лице, а именно о Джан Хасане, беке племени барин: написание собственного имени Хасан арабскими буквами легко допускает конъектуру Хусайн. Как полагают В. П. Юдин и Маюо Eiji, слово нарин (соответственно, назин и марин) — ошибочное написание этнонима барин, который часто встречается на страницах мемуаров Бабура.¹⁷

В «Записках» к ряду собственных имен прилагается слово тагай: Али Дуст Тагай, Мир Гияс Тагай, Шири́м Тагай, Ярак Тагай, Ибра́хим Чапу́к Тагай (Салье, с. 25, 27, 28, 70, 75, 128). С. С. Губаева склонна думать, что слово тагай в составе приведенных выше имен «указывает на этническую принадлежность их обладателей».¹⁸ Между тем в хайдарабадском списке «Записок» при первом упоминании имени Али Дуст Тага́я говорится о том, что «он был из беков тумана сагрычи» (Беве́ридж, л. 146). Этот же текст в издании Н. Ильминского передан иначе: «Еще один — Али Дуст Тагай. Он был из беков тумана пашагир бахши» (Ильминский, с. 18). Таким образом, вопрос о том, является ли слово «тагай» этнонимом или же оно имело тогда иное содержание, остается открытым.

«Записки» дают богатый материал о службе моголов разным тимуридским владетелям. На страницах мемуаров Бабура часто можно встретить такого рода записи: «при моей матери было около тысячи пятисот или двух тысяч моголов»; в подчинении Хусрав-шаха находилось «три-четыре тысячи моголов»; «в Кахмерде было много моголов — нукеров Баки Чаганиани с домоладцами» и т. д. (Салье, с. 80, 146, 150). Судя по таким сообщениям, общая численность моголов, находившихся на службе у разных владетелей в государстве Тимуридов, была довольно значительна. Но, несомненно, их количественный состав зависел во многом от политической обстановки в Средней Азии и Восточном Туркестане, заметно увеличиваясь в период неурядиц и войн и резко уменьшаясь в политически стабильные годы. В числе служивших у Тимуридских владетелей в разное время моголов называются представители следующих туманов: барин, бекчик, дуглат, оглакчи, сагрычи (Салье, с. 25, 32, 38, 44, 47, 53, 67, 94 и др.).

За пределами могольского государства моголы, видимо, сами избирали себе сюзерена, которому решали служить (Салье, с. 47, 94, 149). Скреплялась ли эта служба письменным договором или сопровождалась присягой, клятвой, Бабур не отмечает. Служба у нового покровителя заключалась главным образом в несении воинских повинностей. В ряде случаев моголы-наемники оставались более верными вассалами, чем сами подданные Тимуридов, и отдельные представители «страны моголов» нередко достигали при дворе Тимуридских владетелей высоких должностей и принимали участие при решении важных государственных дел. В то же время в «Записках» есть немало примеров, когда моголы покидали государство Тимуридов и возвращались «в свою страну». Оказывала ли служба «на стороне» какое-либо влияние на положение возвратившихся «в свою страну» моголов, сказать трудно.

Мы не будем здесь касаться сведений Бабура, относящихся к военнополитической истории моголов; эти сведения обстоятельны и могут служить предметом особой статьи. В заключение приведем лишь характеристики, которые Бабур дает современным ему могольским владетелям и моголам вообще.

Главой могольского государства в то время был Махмуд-хан (1487—1508), сын Йунус-хана от Шах-биким. Основным местом его пребывания являлся Ташкент. В Самарканде и окрестных местах некоторые называли его Ханыке-хан (Салье, с. 24). Много противоречивого было в природе и судьбе этого человека. С одной стороны, Бабур признает в Махмуд-хане ряд достоинств. «Его душевные качества и манеры поведения были хороши», — пишет автор «Записок» (Беве́ридж, л. 546). Хан был жизнерадостным, веселым человеком и писал стихи. О достоинстве стихов можно судить по замечанию Бабура, что Махмуд-хан мало уделял внимания правилам тюркского стихосложения и допускал вольности в своих стихах (Беве́ридж, л. 100а; Ильминский, с. 122). Вознесенный судьбой на высокий ханский престол, он смолоду отличался бесхарактерностью, был человеком слабовольным: в начальные годы его царствования все дела при нем «вязал и разрешал» Хайдар-кукельташ, погибший в битве при Канбае, а в последующие годы другие «любимые беки» (Салье, с. 85, 88). Неуверенность в себе, часто переходящая в малодушие, была отличительной чертой его характера. Ни одно важное дело хан не доводил до конца: «начав войну, он ею тяготился»; выступив в поход, возвращался с полпути (Салье, с. 27, 69, 119). Бабур полностью отрицает в своем дяде военные способности. «Султан Махмуд-хан, — говорится в «Записках», — не обладал бойцовскими качествами; он был бесконечно далек от ратных дел» (Беве́ридж, л. 946; Ильминский, с. 115). Словом, личные качества Султана Махмуда входили в противоречие с обязанностями, диктуемыми положением верховного сюзерена и предводителя еще не утративших свой военный быт моголов: «у него совершенно отсутствовал талант военного предводителя» (Беве́ридж, л. 546); столь же мало он, по рассказу Мирза Хайдара, умел управлять своими подданными.¹⁹

Младший брат Махмуда, Султан Ахмад, по прозвищу Алача-хан, был его прямой противоположностью. Это был человек отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный рубака. Из всех видов боевого оружия Султан Ахмад предпочитал саблю и никогда не расставался со своим острым клинком: «сабля либо висела у него на поясе, либо находилась в руке» (Салье, с. 121—122). По своим привычкам и наружности Султан Ахмад был настоящий сын степи: «выросший на далекой окраине Мавераннахра, он был несколько неотесан и грубоват в речах», носил могольскую одежду, ездил на могольском коне и вел суровый образ жизни (Беве́ридж, л. 103а, б; Ильминский, с. 126—127). Вот как, например, Бабур описывает «жилище» Султана Ахмада во время похода против Танбала. Когда наш автор прибыл к Султану, он взял его за руку и ввел в свой «маленький шатер». «Так

как [Султан Ахмад] вырос на окраинных землях, — замечает Бабур, — то палатка и обстановка, в которой он жил, были скромными, казацкими. Дыни, виноград, принадлежности конской сбруи — всё лежало тут же в палатке, где он жил» (Беве́ридж, л. 108б; Ильминский, с. 133). Горячий, увлекающийся, отважный до крайности, Султан Ахмад был в то же время человеком принципиальным, последовательным в своих словах и действиях; он «славился своей справедливостью и честностью» (Беве́ридж, л. 110б; Ильминский, с. 135).

Простота в общении с окружающими, скромность в быту, любовь к близким, уважение к боевым соратникам — таким предстаёт Султан Ахмад в «Записках». «Удивительным человеком был мой дядя, Младший хан», — пишет Бабур (Беве́ридж, л. 103а; Ильминский, с. 127), и видно, что воспоминания о храбром и благородном Султан Ахмаде особенно дороги сердцу автора.

Простых моголов, нечингизидов, Бабур характеризует исключительно с отрицательной стороны. По его мнению, моголов отличают грубость и жестокость, алчность и лицемерие; это люди низменных страстей и пороков, склонные к мелкому, но злобному коварству (Салей, с. 25, 66, 75, 106, 145, 178). «Козни, интриги и раздоры всегда исходят из могольского улуса», — говорится в «Записках» (Беве́ридж, л. 64б). По словам Бабура, моголы совершали «злонамеренные поступки», проявляли «криводушие» не только по отношению к иноземным своим сюзеренам, которым они обязались служить верой и правдой, но и к «собственным ханам» (Беве́ридж, л. 64б). Интересно отметить, что в «Записках» от термина «могол» образовано существительное *моголлу*, с которым автор связывает все отрицательное: хищничество, вероломство, низость души и вообще все безнравственное (Беве́ридж, л. 64а; Ильминский, с. 79). В этом отношении весьма характерно объяснение, которое Бабур дает поступкам Кули Чунак-могола. Отметив, что он и раньше совершал «разные мерзости», автор пишет: «Последние дурные поступки [Кули Чунака] были также следствием его могольского происхождения (*моголлукиннэ нетид-жесидин*)» (Беве́ридж, л. 65а).

Моголистан — варварская периферия, а его обитатели — «злосчастные» создания (Беве́ридж, л. 90б, 103а, 108б), т. е. создания, которые источают зло, козни, интриги и вражду. Таково категорическое мнение Бабура о тех подданных его дяди Султан Махмуд-хана, которых он называет в своих мемуарах моголами.

Бабур судит о моголах на основании непосредственных впечатлений. Его наблюдения небезынтересны, хотя нельзя не видеть тут чрезмерного выделения автором «Записок» именно пороков моголов. Раздражение и пристрастие Бабура проявляются и в том, что он умалчивает о хороших поступках и душевных достоинствах простых моголов. Односторонность автора в этом вопросе объясняется, видимо, влиянием на него социальных и культурных условий: Бабуру, человеку истинно аристократическому, действующему в духе возвышенной рыцарской чести и морали, мо-

голы, еще не оставившие шаманистских воззрений, обитатели «окраинных земель», казались дикими, более грубыми и коварными, чем соотечественники.

Таковы историко-этнографического характера известия Бабура о моголах. Как это очевидно специалистам, они интересны во многих отношениях и, что очень важно, дают немало существенных дополнений к известиям Мирзы Хайдара Дуглата, сочинение которого было написано в 40-х годах XVI в. «Записки» Бабура представляют собой ценный источник для истории моголов и Моголистана, давно известный востоковедам, но до сих пор еще недостаточно исследованный в источниковедческом аспекте и в связи с этим неположительно использованный в историографии Семиречья и Восточного Туркестана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — Изв. АН КазССР, сер. обществ. наук, 1965, вып. 3, с. 52—65.

² Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI веков: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

³ Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern culture, Tokyo, 1978, 34.

⁴ Бабур-наме: Записки Бабура. / Перев. М. Салье. Ташкент, 1958. Далее ссылки на это издание с указанием страниц приводятся в тексте: Салье.

⁵ Бабер-наме, или Записки Султана Бабера / Изданы в подлинном тексте Н. Ильминским]. Казань, 1857. Далее в тексте сокращенно — Ильминский.

⁶ The Babar-Nama (fac-simile) / Ed. by A. S. Beveridge. Leyden; London, 1905. («E. J. W. Gibb Memorial» ser., vol. 1). Далее в тексте сокращенно — Беверидж.

⁷ Самойлович А. Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века. — Живая старина, 1911, XX, 1912, с. 429—432; *Mano Eiji*. Moghulistan. — Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern culture. Tokyo, 1978, 34, p. 58.

⁸ Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977, с. 105—111.

⁹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — В кн.: Бартольд В. В. Соч., М., 1968, т. V, с. 170; Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов, с. 57—59.

¹⁰ Лигети Л. Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане. — КСИНА, вып. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, с. 5—22; Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана. — АОН, 1955, t. IV, fasc. 1—3, p. 93—117.

¹¹ Когда Махмуд-хан принимал Бабура в окрестностях Шахрухии, «хан восседал в большом шатре с выходом на все четыре стороны» (Салье, с. 44).

¹² Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863, с. 30.

¹³ Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис хана с приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. — В кн.: Исследования и материалы по истории России и Востока. Брюссель, 1939, вып. 1, с. 47.

¹⁴ Вопросы о происхождении и применении боевых кличей у некоторых племен и народов рассмотрены в статье: Рабинович М. Г. Боевые кличи —

«ураны». — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 299—307. В этой интересной работе «Записки» Бабура не использованы.

¹⁵ Датой смерти Ваис-хана обычно принято считать 1428 г. По мнению Мапо Ейji, Ваис-хан умер в 1432 г. (Мапо Ейji. *Moghulistan*, p. 47).

¹⁶ Губаева С. С. «Бабур-наме» как источник для изучения этнонимии Средней Азии. — В кн.: Ономастика Востока. М., 1980, с. 321.

¹⁷ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов, с. 56; Мапо Ейji. *Mogholistan*, p. 51.

¹⁸ Губаева С. С. «Бабур-наме» как источник, с. 232.

¹⁹ См.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — В кн.: Бартольд В. В. Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 89.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

ТЮРКСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

Т. И. СУЛТАНОВ
ОБОСТОЯТЕЛЬСТВА И ВРЕМЯ
НАПИСАНИЯ "БАБУР-НАМЕ"

Сочинения средневековых мусульманских авторов неравноценны по своему научному значению и литературным достоинствам. Среди дошедших до нашего времени образцов, в частности, исторической литературы немало произведений, ценность которых как исторических источников и памятников литературы весьма незначительна. Вместе с тем есть в позднесредневековой мусульманской историографии и яркие произведения, которые заключают в себе не только богатый фактический материал, но позволяют почувствовать дух времени, ощутить непосредственно пульс жизни современного автору общества. К числу таких памятников литературы в первую очередь следует отнести широко известные, написанные на среднеазиатском турецком исторические записки Бабура (1483–1530).

В научной литературе это сочинение известно под названием "Бабур-наме"; другое его обиходное название – "Тузук-и Бабури". Индийские авторы эпохи Великих Моголов для обозначения этого сочинения пользуются названием "Ваки'ат-и Бабури" [14, л. 36; 1, с. 341; 17, с. 5]. Сам Бабур называет труд или "Тарих" ("Летопись", "Хроника") [19, л. 506, 158а, 252а], или "Вака'и'" (букв. "события", "происшествия" [19, л. 1926, 363а]. Термины "тарих" и "вака'и'" должны быть, видимо, переданы здесь как "Исторические записки" или просто "Записки".

"Записки" были оценены по достоинству и использованы уже в трудах современников Бабура – Хондамира (ум. в 1539–40 г.) [12, с. 237–249] и Мирза Хайдара Дуглата (ум. в 1551 г.) [13, л. 96аб]. Внимание мусульманских авторов к мемуарам Бабура не ослабевало и гораздо позже: хорошо знали "Записки" и широко ими пользовались многие компиляторы XVI–XIX вв. Это, например, Абу-л-Фазл, Бадауни, Низам ад-Дин Ахмад, Амин б. Ахмад Рази, Фиришта, Суджан Рай Бхандари, Мулла Аваз-Мухаммад и др. Все они отмечают высокие достоинства "Записок" Бабура. Вот высказывание одного из них: Бабур, пишет историк XVII в. Фиришта, "составил описание событий своего царствования на турецком языке, отличающееся исключительным изяществом стиля. В годы правления Акбар падишаха оно было переведено на персидский язык Хан-и ханом, сыном Байрам хана¹. Это произведение и ныне пользуется известностью среди людей" [17, с. 394].

¹ Мнение о том, что "Записки" Бабура были переведены на персидский язык при Акбаре (1556–1605), широко распространено и в научной литературе [2, с. 7–9; 10, с. 376; 15, ч. 2, № 690]. Между тем теге-

В Европу сведения о Бабуре и его мемуарах проникли в XVII в., и книга Бабура обрела новую жизнь: ее не просто читали, но изучали, переводили на европейские языки и издавали тысячными тиражами [5, с. 168–176; 15, ч. 2, № 690; 21, с. 162–183]. Одной из значительных работ последних лет является новый перевод "Записок" на французский язык, выполненный Ж.Л.Бакэ-Граммонам и опубликованный в 1980 г. [22]. Переводу предисловие и краткое предисловие Л.Базэна (с. 5–6) и три статьи: С.А.Азимджановой "Бабура в Трансоксании" (с. 7–13), проф. Абд ал-Хайна Хаббиби "Бабура в Афганистане" (с. 15–24) и проф. М.Мохиббул-Хасана "Бабура в Индии" (с. 25–41). В 1983 г. по решению ЮНЕСКО мировая общественность широко отметила 500-летие со дня рождения ферганца Захир ад-Дина Бабура. К юбилейной дате, в частности, в Ташкенте были изданы сочинения Бабура в двух томах, на русском и узбекском языках. В двухтомник вошли лирика Бабура, его "Трактат об арузе" и "Записки". В периодических изданиях за 1983–1984 гг. было опубликовано значительное число научных и научно-популярных очерков о Бабуре и его творчестве.

Словом, научная литература о "Записках" Бабура богата и продолжает пополняться. При знакомстве с нею обращает на себя внимание, в частности, следующий факт: несмотря на обилие публикаций, до сих пор нет источниковедческой работы, специальной темой которой был бы предмет творческой истории "Записок" Бабура. Этой теме и посвящены настоящие заметки.

"Записки" Бабура по жанру относятся к мемуарной литературе. Главный герой — сам автор, который от своего имени, просто и в то же время образным языком, рассказывает о том, что он слышал от людей, что видел и испытал в жизни. Произведение построено как хроника, как последовательность сменяющих друг друга событий, сгруппированных по годам хронологическими рубриками: "События года такого-то" и т.д. "Записки" начинаются с описания событий 899/1494 г. и обрываются на полуслове при изложении событий начала 935 г.х. (сентябрь 1529 г.).

В "Записках" отсутствуют предисловие и заключение автора, и нам ничего не известно о побудительных мотивах и цели написания сочинения. Нет у Бабура также ни строчки относительно того, когда именно замысел составить мемуары начал претворяться в книгу. Указанные обстоятельства дали повод некоторым исследователям поставить вопрос о том, "представляет ли собой это произведение подлинные записки их автора, которые делались непосредственно сразу после описываемого события, или же оно было создано целиком в более поздний период жизни Бабура" (см. [6, с. 88]).

Между тем сама постановка этого вопроса в такой именно формулировке не является, как нам представляется,

ранская рукопись, о которой речь пойдет ниже, позволяет утверждать, что полный перевод "Записок" на персидский язык был осуществлен еще при жизни самого Бабура.

вполне корректной. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур родился в 1483 г., а его "Записки", как уже сказано, начинаются с изложения событий 1494 г. Если считать, что перед нами подневные записи, которые велись под непосредственным впечатлением от только что происшедших событий, то должно признать, что мы имеем здесь дело в значительной части с дневником подростка, и приписать, таким образом, описание Ферганы, с которого начинаются "Записки" и которое справедливо признается всеми специалистами классическим, перу одиннадцатилетнего мальчика². Делать такое допущение не представляется возможным. Да в этом и нет нужды. Внимательное чтение "Записок" дает достаточный материал, указывающий на то, что временная связь между увиденным, испытанным, услышанным Бабуром и написанным им не столь пряма и коротка, как это бывает в дневнике.

Обратимся к самому источнику. Уже в первой главе "Записок" есть описания событий, имевших место в 915-917/1510-1512 гг. [19, л. 86, 9аб, 10б, 11а; 4, с. 19, 21]. При изложении событий 908/1502-03 г. Бабур пишет, что, когда он стоял с отрядом у ворот Ахси, Кичик Али, "который теперь состоит сборщиком налогов в Куиле, проявил отвагу..." [19, л. 113б; 4, с. 132]. Известно, что Куил был покорен Бабуrom в 1526 г. В главах, повествующих о событиях 910/1504-05 и 911/1505-06 гг., упоминаются события 914, 917, 925 гг. хиджры, а также говорится о захвате Бабуrom Лахора (1524 г.), о ходе сражения с Ибрахимом Лоди (1526 г.), о войне с Рана Сангом (1527 г.) и т.п. [19, л. 131а, 132а, 134а, 139а, 174б, 175б; 4, с. 155, 156, 158, 163, 193, 194, 195, 197, 202, 203]. Примеров, подобных приведенным, достаточно много.

Заметим, кстати, что если в первых главах "Записок" часто упоминаются события, имевшие место много лет назад, сплошь и рядом употребляются такие неопределенные слова, как "однажды", "как-то раз" и т.п. [4, с. 99, 107, 108 и др.], то в последних главах мемуаров изложение везде сопровождается указанием числа и дня недели, иногда времени суток в часах [4, с. 283, 427 и др.]; в этой части мемуаров нередки сухие, необработанные записи. Временной разрыв между самими событиями и их фиксацией на бумаге заметно сокращается. Однако этот временной разрыв во всех поддающихся проверке случаях измеряется все же годами. Последнюю дату в "Записках" от смерти автора отделяют 15 месяцев.

Словом, в самом сочинении Бабура нет материала, который указывал бы на то, что записи с самого начала велись изо дня в день по свежим следам событий и затем были объединены в книгу. Сказанное не исключает, однако, ис-

² П.К.Кадыров, опубликовавший книгу, специально посвященную описанию жизни и деятельности Бабура, так и поступает. Согласно его утверждению, "Записки" Бабура представляют собой "тетрадь-дневник", который он якобы вел с "юных лет", а точнее, с середины 90-х годов XV в. [11, с. 64, 202, 298 и др.].

пользования автором отдельных записей, которые были сделаны под непосредственным впечатлением от только что происшедших событий. Такими записями в первую очередь были его собственные письма. Так, в главе "События года девятьсот двадцать пятого" (1519 г.) Бабур пишет следующее: "После полуденной молитвы состоялась пирушка в шатре Ходжа Мухаммада Али. На этой самой пирушке я подробно описал, как мы шли в эти зѣмли, и послал письмо в Баджаур к Ходжа-и Калану через Султан Барахи" [4, с. 282]. Со слов самого Бабура мы знаем, что он хранил черновики писем, которые писал кому бы то ни было по любому поводу, и что некоторые из них использовал затем в своих "Записках" [4, с. 351-353, 398].

Таким образом, сочинение Бабура — не подневные записи. В "Бабур-наме" действительно немало рассказов, повествующих о поре отрочества и юности автора. Однако характер и стиль описания неопровержимо свидетельствуют о том, что воссоздавал их художник, полный зрелой творческой силы и мудрости. Для внимательного читателя книги Бабура очевидно, что с первых строк каламом водила уверенная, спокойная рука большого мастера слова, человека многоопытного, посвященного в тонкости профессии литератора. Из содержания мемуаров совершенно ясно, что началу записи предшествовал долгий период переживания автором событий прошлого, размышления о жизни и своем месте в ней. Книга Бабура — результат многолетнего напряжения ума и памяти.

Естественно, возникает вопрос, когда и как создавалось это произведение. Ответ следует искать в биографии самого создателя книги.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур родился 14 февраля 1483 г. в Фергане. Еще безусым юношей, в силу своего высокого социального положения, он был вовлечен в водоворот важнейших событий государственно-политической жизни страны. В июне 1494 г., когда ему шел всего лишь двенадцатый год, он наследовал своему отцу в качестве правителя Ферганы. В последующие годы Бабур принимает активное участие в разгоревшейся между Тимуридами борьбе за верховную власть в Мавераннахре. Ему дважды удается захватить главный город среднеазиатского Междуречья — Самарканд (1497 и 1500 гг.). Но все это оказалось временным успехом: Бабуру так и не удалось создать в Мавераннахре централизованное государство. Более того, с начала нового, XVI столетия развернулись события, которые привели к большим и неожиданным политическим переменам в истории Средней Азии. Предводитель кочевых узбеков Мухаммад Шейбани-хан, пользуясь политической раздробленностью страны, выступил из Узбекского улуса и в 1500 г. захватил Бухару, а в мае следующего года — Самарканд, изгнав оттуда Бабура. Военные успехи Шибанидов привели к тому, что вскоре Бабур вынужден был искать убежища у своего дяди, могольского хана Махмуда, а после его поражения от Шейбани-хана в сражении под Ахси в 908/1503 г. — удалиться в Кабул. Тем временем победное шествие Шибанидов

по раздробленным на уделы владениям Тимуридов продолжалось. В мае 1507 г. Шейбани-хан со своими силами вступил в пределы Хорасана и захватил Герат, Астрабад, Гурган. Бади аз-Заман, последняя надежда в борьбе с кочевыми узбеками, бежал в Азербайджан, оттуда в Турцию и кончил жизнь в Стамбуле. Власть Тимуридов в Средней Азии пала, и на большей части ее территории воцарилась новая династия, возводившая свой род к внуку Чингис-хана — Шибану (Сыбану).

Неоднократные попытки Бабура (1506, 1511—1512 гг.) вернуть силой наследственные владения дома Тимуридов не принесли желаемого успеха, он оставляет свои планы относительно Мавераннахра и устремляет взор на соседнюю Индию, куда был организован ряд военных экспедиций, которые, однако, не дали ощутимых результатов [23, с. 23—25]. Лишь в 932/1526 г. Бабур нанес решающее поражение делийскому султану Ибрахиму Лоди при Панипате и основал на подвластной ему территории новое государство, положившее начало династии Бабуридов, или Великих Моголов, в Индии.

Так потомок Тимура, Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, который претендовал на верховную власть в державе своего знаменитого предка и даже владел бывшей его столицей, в силу обстоятельств оказался изгнанником и на чужбине. Судя по всему, Бабур был большим патриотом: на страницах его "Записок" немало строк, проникнутых ностальгией. Словом, память о богатой и вначале полной самых радужных надежд прошлой жизни, когда его занимали иные мысли и заботы, была жива. И в годы военных неудач и скитаний на чужбине, в годы надежд восстановить власть дома Тимуридов в Мавераннахре и горьких разочарований в своих надеждах Бабур не однажды предавался воспоминаниям, раздумьям, мыслями возвращался в прошлое, в былые дни, грустные и скорбные, радостные и счастливые. Не всегда это обращение к прошлому происходило в уединении. До конца жизни Бабура рядом с ним находились люди, с которыми он в годы юности и мужания делил власть и хлеб, шел в бой, терпел лишения; рядом были его испытанные боевые соратники и соотечественники, с которыми теперь, на чужбине, можно было делиться воспоминаниями о родине. Порою, в хорошем расположении духа, они разматывали клубок воспоминаний о прожитой жизни. Узелками в этом клубке были: объявление Бабура государем Ферганы ("Записки" и начинаются словами: "В месяце рамазана года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни"), взятие Самарканда, борьба с Шибанидами на всех ее этапах, захват Кабула с округом. Все испытанное переживалось заново, осмысливалось и оценивалось, обогащалось подробностями и наполнялось новыми импульсами. В результате устный рассказ о прошлом был хорошо сложен в деталях. По-видимому, тогда у Бабура и зародилась мысль доверить бумаге все пережитое, поведать людям о событиях своей жизни, навсегда запечатлевшихся в его чуткой душе и цепкой памяти. Для превра-

щения замысла в готовую книгу были все условия: богатая приключениями жизнь, отшлифованные при устном изложении рассказы, а главное — талант недюжинной и многогранной одаренной личности.

Вот так представляется нам история создания мемуаров Бабура.

Замысел создания мемуаров возник и созрел, видимо, в середине 20-х годов XV в. Между замыслом и началом работы над книгой — при описанных выше обстоятельствах — большого разрыва во времени, надо полагать, не было, и первая, основная часть мемуаров (доиндийский период) была написана буквально на едином дыхании.

Теперь несколько слов об этапах работы Бабура над мемуарами. В Тегеране в библиотеке Салтанати (инв. № 2249) хранится прижизненный автору список "Бабур-наме". Первое по времени известное нам печатное сообщение об этой уникальной рукописи относится к 1960 г. [25, с. 444]. В 1977 г. в Тегеране вышел в свет очередной том описания рукописей библиотеки Салтанати, где интересующей нас рукописи отведено три страницы печатного текста [18, с. 460—463]. Учитывая то обстоятельство, что сообщение З.В.Тога-на краткое, всего лишь в десять строк, к тому же оно, судя по литературе, осталось обойденным вниманием исследователей, занимающихся творческим наследием Бабура, а указанное описание, принадлежащее перу Бадри Атабай, является редким изданием, ниже приводится описательная характеристика тегеранской рукописи с той степенью полноты, которую делают возможной две упомянутые публикации.

Тегеранская рукопись — это больших размеров (41×26 см) книга в картонном, обтянутом кожей темно-синего цвета переплете (мукавва) с тиснением из золота. Внутренняя сторона переплета оклеена плотной гладкой бумагой пурпурного цвета. Рукопись содержит 1036 страниц, по 18 строк текста на каждой странице. Текст заключен в рамки из золотых линий. Бумага самаркандская; почерк — мелкий, но четкий и уверенный насталик. Отдельные места рукописи оставлены свободными: они должны были быть украшены миниатюрами.

Эта прекрасная по исполнению и сохранности рукопись представляет собой сборный том, состоящий из пяти частей. Первую часть книги составляют турецкие стихи Бабура; согласно описанию Бадри Атабай, после каждого стиха следует его перевод на персидский язык. По всей вероятности, здесь имеется в виду "Диван" турецких и персидских стихов Бабура. Во вторую часть рукописи (с. 187—377) включено описание различных стихотворных размеров в стихах с кратким прозаическим предисловием на турецком. Третий раздел книги (с. 379—455) — "описание и комментарии в прозе частей круга и стихотворных размеров" (?). Одна из названных частей, очевидно, составляет известный "Трактат об арузе" Бабура. Последние страницы рукописи (с. 1013—1036) занимают несколько касид Бабура и "Рисале" религиозного содержания.

Интересующие нас "Записки" составляют четвертую часть

рукописи (с. 457–1012). Тюркский текст "Записок" написан черной тушью и имеет огласовки; между строками тюркского текста киноварью вписан его дословный персидский перевод. На полях отдельных страниц имеются приписки на тюркском, разъясняющие смысл трудных для понимания слов текста.

Небезынтересна судьба тегеранской рукописи. На оборотной стороне первого листа книги имеются запись с датой: "27-й день месяца раби ал-аввал года 1022-го" (17 мая 1613 г.) — и печать с легендой, содержащей имя "Алам-гир-шах", из чего можно уверенно заключить, что рукопись принадлежала библиотеке тимуридских государей Индии. Впоследствии она оказалась в Иране и 9 шавваля 1248/1 марта 1833 г. в г. Тебризе была приобретена библиотекой Дарайи. В 1277/1860–61 г. эта дорогая по исполнению и уникальная по значению рукопись при посредстве Мирза Мир Ахура была преподнесена как подарок шаху Наср ад-Дину из династии Каджаров.

Согласно описанию Бадри Атабай, тегеранская рукопись датируется 935/1528–29 г. [18, с. 460–463; 16, с. 72–76]. По словам З.В.Тогана, тегеранский список "Бабур-наме" датируется 931/1524–25 г. [25, с. 444]. Вопрос о том, которая из двух дат более соответствует действительности, мы рассмотрим ниже. Здесь достаточно отметить, что независимо от того, датируется ли тегеранская рукопись 931 или 935 годом хиджры, она содержит в своем составе прижизненный автору список "Записок": Захир ад-Дин Мухаммад Бабур умер 6 джумада I 937/26 декабря 1530 г. [24, с. 295–298].

Тегеранская рукопись уникальна во многих отношениях. Во-первых, она содержит прижизненный автору список "Записок" — главного сочинения Бабура. Замечательно, что тюркский текст "Бабур-наме" сопровождается в рукописи его дословным персидским переводом. Этот факт позволяет утверждать, что полный перевод "Бабур-наме" на персидский язык был осуществлен еще при жизни самого Бабура, а не при его первых преемниках, как это считалось раньше. Во-вторых, тегеранская рукопись является не простым, а особо ценным собранием трудов (*куллият*) Бабура: она содержит прижизненное автору и самые ранние из ныне известных копий его основных сочинений, собранных под одним переплетом. Однако тегеранская рукопись "Бабур-наме" не только не введена в научный оборот, но до сих пор не установлена даже степень ее полноты и не определена точно дата переписки рукописи.

В связи с последним замечанием представляется целесообразным привести здесь сказанное мимоходом, но важное по значению сообщение самого Бабура. "Ходжа-и Калан, внук Ходжи Йахйи, — пишет он при изложении событий 935/1528–29 г., — просил меня прислать завершенные (*бититурган*; в издании Н.Ильминского — *бититурган*. — Т.С.) главы Вака'и'. По моему приказу была приготовлена копия Вака'и', которую и отправили [Ходжа-и Калану] с Шахраком" [19, л. 363а; 3, с. 469]. Шахрак-бек отбыл с рукописью

и письмами Бабура к жене и другим адресатам со стоянки на берегу р. Ганга в конце джумада II 935 г./начале марта 1529 г. О судьбе этой рукописи пока ничего не известно.

В приведенном рассказе обращает на себя внимание дата — 935 г.х. Не есть ли тегеранская рукопись, роскошная по исполнению и явно предназначенная для подарочного подношения, та самая копия "Вака'и", которую Шахракбек увез из Индии в Афганистан для Ходжа-и Калана? Ведь, согласно описанию Бадри Атабай, рукопись "Записок" Бабура, хранящаяся в библиотеке Салтанати, оканчивается словами: "К завершению своему подошло сие повествование. Да послужит оно для вящей пользы мужам ученым. Был девятьсот тридцать пятый год". Важно здесь то, что дата переписки рукописи приведена прописью, причем на двух языках: по-тюркски и по-персидски [18, с. 462; 16, с. 74].

Между тем в кратком сообщении З.В.Тогана о тегеранском списке "Записок" о дате рукописи сказано следующее: "Bu nüsha 931de yani Babur'un hayatında yazılmıştır" ("Этот список составлен в 931, то есть при жизни Бабура"). Как видно из цитаты, дата переписки приведена тут цифрами, к тому же не указано соответствие года хиджры григорианскому календарю. Поскольку в сообщениях обоих авторов речь идет об одной и той же рукописи, то приходится предположить ошибку в дате, приведенной цифрами (опечатка?), т.е. в сообщении З.В.Тогана.

Таким образом, уже к концу 1528 г. "Записки" Бабура выпились в объемистую книгу, композиционно завершенную настолько, что ее можно было распространять отдельными списками. В дальнейшем "Записки" лишь дополнялись изложением (нередко кратким и сухим) последующих событий и были прерваны в 1530 г. смертью их автора, ушедшего из жизни в расцвете сил, когда ему было неполных 48 лет от роду.

Х.Гибб, касаясь вопроса о жанре "Записок" Бабура, писал в 1926 г.: "Обычай писать мемуары, по-видимому, был введен Тимуридами. Самый ранний образец — мемуары императора Бабура (ум. в 937/1530 г.) на тюркском языке" [8, с. 154]. Это мнение разделяют многие современные исследователи. Между тем замечание Х.Гибба требует уточнения. Согласно В.В.Бартольд, первый известный в мусульманской литературе автобиографический труд принадлежит перу Усамы ибн Мункиза (1095—1188) — одного из местных сирийских князей эпохи крестовых походов [4а, с. 265]. А.Н.Болдырев обращает внимание на произведения известных авторов гератского культурного круга XV в. Хусайна Ваиза, Давлатшаха, Джами, Навои, которые также носят в значительной степени автобиографический характер [7, с. 205—206]. Словом, вопрос о том, является ли Бабур первооткрывателем жанра мемуаров и записок, требует специального рассмотрения. Но несомненно одно, а именно: сочинение Бабура являет собой наиболее цельный и яркий образец автобиографического труда в мусульманской литературе.

"Вака'и'" — это не просто повествование в форме записок о перипетиях богатой приключениями жизни Бабура, а широкое и многогранное произведение. Десятки человеческих лиц, сотни больших и малых событий проходят в повествовании. В своем единстве мемуары, как ни одно другое известное произведение, отражают своеобразие эпохи, воссоздают жизнь тогдашнего общества во всем ее многообразии — проблемности, драматичности, праздности. Нанизанные на нить повествования немногословные, но яркие и живые, с большим остроумием набросанные портреты целого ряда современников Бабура несут на себе ясный отпечаток вдумчивой оценки автором своих героев. Оригинальны, своеобразны — и этим обращают на себя внимание читателя — лаконично и четко сформулированные Бабуром характеристики, которые он дает последнему поколению Тимуридов и эпохе правления Султана Хусайна (1469—1506) в целом. Познавательная афористическая емкостью высказывания Бабура о долге, чести, доблести, о чувстве товарищества и т.п. В этих высказываниях предельно ясно выражено кредо Бабура-историка, государственного деятеля, военачальника — сознание высокой миссии человека на земле.

Привлекательность мемуарам Бабура придает не только обилие содержащегося в книге фактического материала и степень самостоятельности в его обработке. "Записки" благодаря удивительной откровенности Бабура представляют собой яркий человеческий документ, проливающий свет на то, как автор мыслил, какие раздумья вызывала у него окружающая действительность, что представлял он собою как личность. Читая книгу Бабура, мы не только знакомимся с ее интересным содержанием, но узнаем также о приемах, к которым прибегал автор, создавая свое произведение, и здесь следует сказать, что умение Бабура увидеть в обыденной жизни необычное, запомнить это, осмыслить и передать немногими словами многое поражает даже самого искушенного читателя. Не случайно поэтому каждый его рассказ читается с интересом, заставляет задуматься. Читая "Бабур-наме", не считаешь число страниц этого в общем-то объемистого труда³. Напротив, возникает искреннее сожаление о том, что он неполон, что в нем много лакун⁴.

В любом разделе книги, будь то изложение эпизода из военно-политической истории или сценки из народной жизни, описание природы или животного мира, — во всем чувствуется рука художника редкостного индивидуального дарования, мастера слова, прекрасно владевшего всеми богатствами тюркского языка. Неудивительно поэтому, что

³ Факсимильное издание хайдарабадского списка "Записок" составляет 764 страницы [19].

⁴ В ныне доступных специалистам списках "Бабур-наме" отсутствует описание событий 909/1503—04 г., 915—924/1509—1518 г., 927—931/1520—1525 гг. Глава "События года девяност чотырдцатого" содержит всего полтора листа и обрывается на полуслове.

слог Бабура, его повествование музыкальны. Если читать страницы "Записок" вслух, звучит скрытая в них музыка: можно услышать звуки, увидеть краски, почувствовать запахи и насладиться изысканностью повествования. И конечно, особенно выделяется описание мавераннахрского и кабульского периодов жизни Бабура — самые поэтичные главы "Записок": они полны напряженного драматизма, подчас трагедийности и в то же время проникнуты мягким, задушевым лиризмом, искренней любовью к родной стране. Тут весь Бабур с его тонкой наблюдательностью, искрящимся юмором, блестящим литературным талантом. Читая эти главы, трудно оторваться от поучительных и занимательных рассказов о неожиданных ходах придворных интриг, походных приключениях, превратностях человеческой судьбы, кратких жизнеописаний, которыми он удостоил многих из своих современников, попавших на страницы "Записок".

Ведя неторопливый, но эмоционально напряженный и в то же время правдивый, лишенный даже малейшего оттенка чего-то показного рассказ-воспоминание о себе, о своих друзьях и врагах, о многих людях, встречавшихся ему на жизненном пути, Бабур нарисовал, в сущности, портрет своего времени — эпохи сложной и во многом переломной для истории целого субконтинента: Средней Азии, Афганистана, Индии. Это задача, решение которой по плечу не каждому мемуаристу.

Органический сплав добротного по качеству материала и вдумчивого анализа, трагедийного пафоса и проникновенной лирики, профессионального мастерства и профессиональной этики — вот причина неповторимой привлекательности и непреходящей научной ценности "Записок" Бабура. "Бабур-наме" — единственное произведение во всей средневековой тюркоязычной литературе, которое по своим историографическим и литературным достоинствам представители старшей плеяды европейских ориенталистов поставили в ряд с трудами греческих и римских авторов [20, с. 218].

"Бабур-наме" является гордостью тюркской прозаической литературы и заслуженно считается жемчужиной в сокровищнице мусульманской культуры.

1. Абд ал-Надир Бадауни. Мунтахаб ат-таварих. Т. 1. Калькутта, 1864.
2. Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977.
3. Бабур-наме, или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н.И.Ляминским. Казань, 1857.
4. Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.
- 4а. Бартольд В.В. Мусульманский мир. — Бартольд В.В. Сочинения. Т. 6. М., 1966.
5. Благова Г.Ф. К истории изучения Бабур-наме в России. — Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н.Кононова. М., 1966.
6. Благова Г.Ф. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского письменного-литературного языка XV — начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабура). — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
7. Балдиров А.Н. Мемуары Зайн-ад-дина Восифи как источник для изу-

- чения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв. — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Т.2. Л., 1940.
8. Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960.
 9. Губаева С.С. "Бабур-наме" как источник для изучения этнонимии Средней Азии. — Ономастика Востока. М., 1980.
 10. История Индии в средние века. М., 1968.
 11. Кадиров П.К. Звездные ночи. М., 1980.
 12. Миклузо-Маклай Н.Д. Хондамир и "Записки" Бабура. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.
 13. Мирза Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 648.
 14. Муниш Суджан Раи Бхандари. Хуласат ат-таварих. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 797.
 15. Стори Ч.А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. М., 1972.
 16. Султанов Т.И. О прижизненном авторе списке "Записок" Бабура. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983—1985. Часть 1. М., 1985.
 17. Тарих-и Фирешта. Джилд 1. Бомбей—Пуна, 1247/1832.
 18. Фихрист-и тарих, сафар-наме, сийахат-наме, рузнаме ва джуграфияи хатти Китабхоне-и Салтанати. Талиф-и Бадри Атабай. Тегеран, 1397/1977—78.
 19. The Babar-nama (fac-simile). Ed. by A.S.Beveridge, Leyden—London, 1905.
 20. Elliot H.M. The History of India, as Told by Its Own Historians. Ed. by J.Dowson. Vol. 4. L., 1872.
 21. Hofman H.F. Turkish Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Section III. Pt 1. Utrecht, 1969.
 22. Le Livre de Babur. Mémoires de Zahiruddin Muhammad Babur de 1494 à 1529. Publications Orientalistes de France. [P.], 1980.
 23. Sharma S.R. Mughal Empire in India. A Sistematic Study Including Source Material. Agra, 1966.
 24. Sharma S.R. The Story of Babar's Death. — The Jornal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland for 1926. L., 1926.
 25. Toğan Z.V. Tahran kütüphanelerinde Hindustan'dan gelen eserlerde çağatay dil ve Temürlü sanat âbideleri. — Belleten. Cilt 24. Sayı 95 (Temmuz). Ankara, 1960.